

Е.В. Головнёва

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

**АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ КИНО В СССР В 1920–1930-Х ГГ.:
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ,
МУЗЕЙНОЙ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЕ**

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда
№ 25-28-00277 ««Визуальный атлас конфессий»: (анти)религиозная
пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.»»

Аннотация. В статье рассматривается история формирования особого жанра в сегменте просветительского кино о народах и культурах в СССР в 1920–1930-х гг. – советского антирелигиозного фильма. Появление антирелигиозного кино анализируется в контексте научной, музейной и кинематографической деятельности периода культурной революции. Предполагается, что ценные визуальные источники агитационно-массового искусства, включая кино, отражали целый спектр гуманитарных позиций своего времени – взглядов научных атеистов, кинематографистов, ученых, содержали ценный этно-антропологический материал о религиозных группах в СССР, являлись важнейшей составляющей антирелигиозной пропаганды.

Ключевые слова: история СССР, кинематограф 1920–1930-х гг., антирелигиозный кинематограф, советская идеология, антирелигиозная пропаганда в СССР, культурная революция, Н.М. Маторин.

В рамках изучения антирелигиозной пропаганды в СССР 1920–1930-х гг. особый интерес представляют кинолен-ты антирелигиозной направленности. К началу 1930-х гг. в их число входили такие художественные кинофильмы, как: «Бегствующий остров», «Бог войны», «Дочь святого», «За монастырской стеной», «Иуда», «Опиум», «Праздник святого Иоргена», «Разбитые боги», «Сектанты», «Старец Василий Грязнов», «Человек за бортом» и др. В период культурной революции эти фильмы воспринимались как инструмент освобождения населения от религиозных суеверий и выступали живой и интересной формой пропаганды.

Как отмечал председатель Союза безбожников Е. Ярославский на первом Всесоюзном съезде корреспондентов газеты «Безбожник»: «Мы мало использовали кино. Мы должны

специально обратиться к нашим кинематографическим организациям и Главполитпросвету с просьбой создать несколько антирелигиозных фильм...» [Спутник безбожника, 1930]. Этот призыв поддержал пропагандист В. Степанов, заявив о том, что «создание антирелигиозной фильмы – вопрос сегодняшнего дня, вопрос, не требующий ни минуты отлагательства» [Степанов, 1928, с. 20]. А известный режиссер А. Довженко эмоционально определил антирелигиозный кинематограф как необходимое средство борьбы с «кулаком и попиком» [Довженко, 2011, с. 206]. 31 января 1929 года в Центральном Доме Рабиса состоялось совещание по вопросу о роли и задачах кино в деле антирелигиозной пропаганды, организованное Ассоциацией Работников Революционной Кинематографии (АРКК) и Центральным Советом Союза Воинствующих Безбожников (ЦС СВБ). Итогом этого совещания стало принятие резолюции о необходимости разработки концепции советского антирелигиозного фильма [Совещание, 1929].

Параллельно с разворачиванием антирелигиозной пропаганды в академической, музейной и кинематографической среде в 1920–1930-е гг. осуществлялись научно-теоретические разработки в области визуализации религиозных групп и создания антирелигиозных фильмов.

Так, в начале 1930-х гг. силами научных коллективов в Союзе была развернута экспедиционная антирелигиозная работа, целью которой являлся сбор точных сведений о тактике классового врага и прежде всего сектантства, о темпах и характере отмирания религии в массах, о перспективах и методах безбожного движения. В 1931 году

Рис. 1. Нижневолжская экспедиция к сектантам, 1930 год. (Архив Музея истории религии, г. Санкт-Петербург)

было отправлено 19 отдельных экспедиций, в которых участвовало по заданиям Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников (ЦС СВБ) в общей сложности 56 человек, было обследовано 34 района, в том числе 19 национальных районов. Кадры работников экспедиций в основном комплектовались из числа студенчества – часто первокурсников или работников-практиков. Исключительно ценной была «головная» экспедиция, организованная ЦС СВБ совместно с Институтом красной профессуры при Комакадемии в Центрально-Черноземный район для изучения вопроса «Религии в борьбе с социалистической реконструкцией сельского хозяйства». План работы бригады предусматривал изучение «исторических предпосылок работы поповщины и сектантов в районе в связи с его социально-экономическими особенностями; выяснение тактики поповщины и сектантов – методов, приемов, средств, которые церковники и сектанты применяют в разное время, в разных условиях и по отношению к различным социальным группам в борьбе с социалистической реконструкцией сельского хозяйства; изучение постановки антирелигиозной работы в районе; разработку конкретных задач безбожной работы в районе» [Дунаевский, 1932, с. 30]. За два месяца работы экспедиция собрала богатый материал, иллюстрирующий новую тактику религиозных организаций, главным образом сектантов (имяславцев, молокан, баптистов), в борьбе с социалистическим переустройством деревни.

Особую роль в проведении научно-исследовательской работы и разработке методики визуализации религии играли в 1920–1930-е гг. и ленинградские безбожники, под руководством Н.М. Маторина, проявившем большую активность в организации экспедиционной работы. Николай Михайлович Маторин (1898–1936) – директор Музея антропологии и этнографии (с 1930 г.) являлся в это время одним из разработчиков «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок», так называемой «карты религий СССР» [Маторин, 1934]. Учащиеся антирелигиозного отделения Ленинградского историко-лингвистического института, совместно с сотрудниками Института по изучению

народов СССР, Госакадемии материальной культуры, представителями местных научно-исследовательских институтов, работали несколькими отрядами по изучению состояния религиозности и безбожия в ряде районов СССР, по преимуществу национальных: Грузии, немецких районах южной Украины, Нижегородском крае (4 отряда: Светлоярский, Удмуртский, Чувашский, Марийский).

Опыт подобных антирелигиозных экспедиций стал не только чрезвычайно ценным в области чисто теоретической, но и дал значительный материал в практической работе, в частности, – в организации бесед с низовыми работниками, установлении связей с местными ячейками СВВ, осуществлении масштабной краеведческой работы, а также проведения фото- и кинофиксации религиозных групп в СССР в 1920–1930-х гг. По словам Н.М. Маторина, «наша работа по изучению религиозных верований Советского Союза должна быть работой методологически и политически острой, работой солидной и конкретной, с учетом всего того, что делается за рубежом» [Маторин, 1934, с. 30].

Н.М. Маторин проявил себя и как организатор визуализации знания о народах СССР и их религиозном мировоззрении – при его непосредственном участии была проведена музейная реэкспозиция в МАЭ и открыты новые выставки. Именно Н.М. Маториным была предложена методологическая модель презентации памятников религиозного искусства, которая стала основанием для выставок и музейных экспозиций [Шахнович, 2021]. Н.М. Маторин полагал, что использование визуальных средств (рисунков, чертежей, схем, фото и киноматериалов) в процессах фиксации и популяризации знания должно стать для музея важной частью его деятельности [Маторин, 1934].

К началу 1930-х гг. в СССР появилось 35 антирелигиозных музеев, в которых были созданы особые щиты и уголки, отражавшие классовую сторону религий. Ставилась задача разоблачения классового характера разных современных сект, обмана масс, «чудес», приветствовалась демонстрация преобразования церквей в столовые, кинотеатры, мельницы и пр. (Маторин, 1931). В частности, большой резонанс

получила Антирелигиозная выставка Академии Наук СССР, устроенная в Ленинграде в 1930 году, под руководством ученого-североведа В.Г. Богораза, в основе которой использовались подлинники из коллекций МАЭ и Эрмитажа, а в реализации были применены следующие подходы: 1) построение выставки на широкой научной базе; 2) выработка ее художественного оформления; 3) организация ее соответственно марксистскому методу; 4) придание ей антирелигиозного заострения [Тан-Богораз, 1930, с. 88].

Теоретические поиски в области методики создания антирелигиозного кинематографа получили развитие в периодике и безбожной литературе конца 1920-х – начала 1930-х гг. Они содержали в себе не столько сами отзывы на фильмы, сколько инструкцию методического характера, ориентированную на советских режиссеров, работающих в жанре антирелигиозной фильма [Шагурин, 1930, с. 10; Путинцев, 1930, с. 81]. С одной стороны, эти критические рецензии на фильмы отражали общую линию антирелигиозной пропаганды, направленную на анализ и нейтрализацию средств и приемов, которые могут использовать идеологические противники. С другой стороны, обращение к данным материалам позволяет в настоящее время обозначить, как представляется, несколько направлений в развитии антирелигиозного кино 1920-1930-х гг., определивших специфику его функционирования, в том числе, в сравнении с зарубежными антирелигиозными картинами того времени.

Во-первых, поскольку «религия является общественным явлением, требующим совершенно особых методов, особых подходов и форм борьбы с ним» [Шагурин, 1930, с. 8] в качестве теоретического основания производства антирелигиозных фильмов было заявлен не антиклерикализм, а марксистско-диалектическое учение, направленное против классовой сущности религии. В этнографии и религиоведении ставились задачи создания марксистской науки о религии и картографирования различных религиозных групп СССР (создание религиозно-бытовых карт) [Маторин, 1934, с. 2], в кинематографе – задача их кино-картографирования на основе марксистско-диалектического учения. Основной

акцент в фильмах следовало сделать на борьбе со старыми формами быта (традициями, суевериями), разъясняя возможности, смысл и пользу новых форм; призывая к ломке старых устоев и созданию новой жизни: к коллективизации, культурным методам обработки земли, к замене церковных праздников праздниками труда, замене церковного брака гражданским и т.д. [Кино против религии, 1928]

Во-вторых, можно говорить о том, что среди режиссеров, снимавших антирелигиозные фильмы, к началу 1930-х гг. сформировались две группы: первая, выполняя идеологический заказ, стремилась лишь разоблачать религию, вторая – в поисках «документальности» стремилась ее изучать. Для второй группы – создание антирелигиозных картин, как и картин этнографических, нуждалось в съемках натуры, проведении экспедиционной работы и должно было осуществляться с привлечением научных консультантов. Разрабатывая проект по кинодокументированию регионов и народов СССР, группа ленинградских работников выдвинула предложение использовать для засъемки этнографических и религиозных групп – по работам Госплана – научные и исследовательские экспедиции. В течение десятилетия Академия Наук с целью кинофиксации национальных «окраин» Союза отправила более 350 экспедиций, и подобную работу предлагалось продолжить [Знаменский, 1930]. В идеале, по мысли теоретиков кино, снимать антирелигиозную культурфильму должны были сами же научные работники. Отмечалось, что «научные работники должны в обязательном порядке научиться киноискусству; кино должно занять такое же большое место в научно-исследовательских учреждениях, как фотография» [Маторин, 1934, с. 31].

Процесс взаимодействия между теми, кто занимался исключительно агитпропом, и теми, кто проводил научные исследования, был довольно сложен. Но в любом случае от кинематографистов требовалось освоить метод непосредственного наблюдения жизни религиозных течений и организаций, развить привычки работать в поле и на местах, вести диалог с научными работниками, взаимодействие с которыми могли дать «особенно ценные результаты

и для разработки отдельных насущнейших тем, и для выпрямления общей линии советской научной кинофильмы» [Роом, 1930]. Антирелигиозные картины планировалось создавать, таким образом, в ходе этнографических экспедиций по изучению «религиозного состояния СССР», в которых, помимо прочего, делалась ставка и на развитие сотрудничества с бывшими местными религиозными деятелями. Как говорил литературный критик О. Брик: «Лучшие антирелигиозники – это бывшие попы и монахи, и никто лучше их не знает «тайн» церквей и монастырей» [Брик, 2015, с. 21].

В-третьих, советское антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. не являлось однородным, оно объединяло разных по своей творческой индивидуальности режиссеров, было документальным и художественным. При создании антирелигиозных картин предлагалось выработать некую общую линию – режиссеров призывали пересмотреть принципы немого кинематографа, опиравшегося на беллетристику, а также в известной мере на театр, цирк и балаган [Разлогов, 2011, с. 14]. С одной стороны, стремление развлечь публику, с другой, отразить в фильме идею классовой борьбы – привели к востребованности в антирелигиозных фильмах конца 1920-х-начала 1930-х гг. развлекательных и детективных сюжетов, построенных на поиске врагов народа (кулаков в лице священнослужителей). Однако видимые на экране зрителями упрощенные образы «святых» и «попов», достигаемые за счет контраста

Рис. 2. Кадр из антирелигиозного фильма «У сектантов» (А. Терской, 1930). Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Документальный фильм «Сектанты». Фонд кинодокументов. Учетный № 2760

(монтажа двух разнонаправленных сцен), комических, театральных эффектов, к примеру, в фильмах «Чудотворец», «Сектанты» [Головнёва, Головнёв, 2022], «Иуда», сатирических изображений – в картине «Праздник святого Йоргена», использования ускоренных документальных кадров – в сцене шаман-

ства в фильме «Игденбу» [Головнёв, Головнёва, 2022], фарсовой подачи материала о раскольниках-беспоповцах в фильме «Бегствующий остров» и т.д. – часто порождали противоположный эффект – эффект «лживого» антирелигиозного кино.

Исходя из этого, методика создания антирелигиозных фильмов к началу 1930-х гг. все больше стала ориентироваться на исключение по возможности интриговой фабулы и организацию материала по принципу документальной (с игровыми моментами по мере надобности) хроникально-протокольной фильмы. О роли кинохроники в фильме говорили многие кинодеятели [Болтянский, 1926, с. 19; Пиотровский, 2011, с. 186; Петров-Бытов, 1929, с. 8]. Некоторыми критиками было прямо заявлено о том, что в показе антирелигиозных фильмов следовало придерживаться *кино-документальности – реализма*, «жуткого и потрясающего, поданного с простотой» [Болтянский, 1926]. Как отмечал пропагандист Н. Шагурин: «Нам нужен специально антирелигиозный, художественный, идейно выдержанный фильм, сделанный без вычурности и исканий, но и без упрощенства и примитива...Кадры, построенные на бытовом, «из жизни» материале, принимают стопроцентную убедительность и иллюстрируют слова лектора» [Шагурин, 1934, с. 8]. Кроме того, хронику хорошо покупали и смотрели за границей, где она могла агитировать за первую рабоче-крестьянскую страну. Как результат, многие антирелигиозные картины стали строиться по принципу особого жанра – «художественной документалистики», или документально-образного кино (Д. Вертов), сочетающего в себе игровое и документальное, хроникальное начала.

В-четвертых, производство и демонстрация антирелигиозного кино 1920–1930-х гг. в СССР должны были быть дополнены также производством и показом этнографических, «антиалкогольных» и научно-популярных (научных) картин. Этнографические и научные фильмы выполняли, в первую очередь, дидактическую роль, разъясняя и комментируя деревенскому зрителю непонятные фрагменты из антирелигиозных кинолент [Полтевский, 1930, с. 4]. Этнографические картины конца 1920 – начала 1930-х гг. («Купол ислама»,

«Джим Шуантэ», «Иверия», Малоземельская тундра», «Тумгу», «Страна Нахчо», «Советский Казахстан», «По Средней Азии», «По Туркмении и Бухаре с кино-аппаратом, Калмыки», «Неведомая земля», «На реке Агане», «На стыке двух миров», «Талыши», «Монголия») изображали быт отдаленных советских областей и помогали наглядно представить «тормозящую роль религии в деле социалистического переустройства быта отсталых национальностей Союза» [Кефала, 1932, с. 42]. Для показа следовало выбирать фильмы, материал которых был взят из быта данной народности. Например, для кочевников с анимистическими представлениями решительно не подходили фильмы вроде картин «Праздник Св. Йоргена» или «Овод».

Относительно создания «антиалкогольных» лент, следует отметить, что антирелигиозная и антиалкогольная кампании в СССР в 1920–1930-е гг. разворачивались параллельно. С одной стороны, здесь присутствовала установка на то, что сами суеверия и религиозные обряды стоят в одном ряду с пьянством и невежеством, и само отправление религиозных обрядов и церковных праздников связано с употреблением алкоголя. С другой стороны, «антирелигиозный кинематограф, особенно соединенный с социалистическим государством», выступал, по выражению Л. Троцкого, «мощным соперником кабаку» [Троцкий, 2011, с. 102]. Как итог проводимой кампании против пьянства и «мракобесия», в конце 1920-х – начале 1930-х гг. появились такие «антиалкогольные» картины, как «Алкоголь, труд и здоровье», «За ваше здоровье», «Пьянство и его последствия», «Наш старый враг», «Твердый характер», демонстрируемые на экране совместно с антирелигиозными фильмами.

На фильмы же научно-популярного характера («Ведьма», «Гроза», «Жизнь моря», «Жизнь и устройство человеческого тела», «Загадка жизни», «Зарождение и развитие человека», «Кого нужно омолаживать?», «Любовь к природе», «Механика головного мозга», «Морока», «Небо и земля», «Омоложение», «Операция д-ра Воронова», «Проблема питания») возлагалась миссия по «десакрализации» природы и подведения научно-объяснительной базы (материалистических прин-

ципов естествознания) под многообразие происходивших в мире процессов. В газете «Кино» (1928) говорилось: «Пусть кино-агитаторы Запада пытаются убеждать рабочие массы «художественными» орлеанскими девами и страданиями святых мучеников, – мы же должны противопоставить этим бредням проводимое через кино научное мировоззрение» [Кино против религии, 1928]. Отдельно отмечалась в антирелигиозной пропаганде роль научно-популярных фильмов, которые, используя особые формы, блестяще могут показать «работу ветра, солнца, воды, силы и богатства химические и минеральные, животные и растительные» [Сухаребский, 1930]. В этом ряду, в частности, особо был отмечен фильм «Саламандра» (1928) режиссера Г. Рошаля, рассказывающий об опытах австрийского биолога-материалиста и дарвиниста над саламандрами, который был «затравлен» за свои взгляды на Западе и нашел спасение в стране Советов.

Наконец, предлагалось расширить новый метод пропаганды – «антирелигиозные кино-передвижки» [Шагурин, 1934] – как метод, заинтересовывающий массу и доступный по форме (беседа, пояснение, оформление на бытовом материале). Антирелигиозная пропаганда должна была отличаться динамичностью, а фильм необходимо было включить в тот местный и сиюминутный контекст, благодаря которому он стал бы для зрителя более понятным. Н. Шагурин отмечал: «Работники антирелигиозной кинопередвижки не должны быть сухими книжными червями, изображать из себя «мудрецов» и ошарашивать крестьянина потоком мудреных «измов» – их задача всемерно популяризовать знания, быть не только пропагандистами, но и энтузиастами в борьбе за новую жизнь» [Шагурин, 1934, с. 18]. Сама демонстрация антирелигиозной картины, особенно для деревенского зрителя, должна была превратиться в спектакль. Фильм следовало сопровождать дополнительными практиками для усиления эффекта агитационной работы и разъяснения киноязыка (кино-лекция, выставка, экскурсия, вечер вопросов и ответов) [Полтевский, 1930, с. 5].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в академической, музейной среде, раннесоветском кинематографе происходила ак-

тивная работа в области визуализации религии, в том числе, разработки методики производства и кинооформления антирелигиозной фильмы. Теоретические и практические поиски в области антирелигиозного кинематографа, осуществлявшиеся как режиссерами (Г. Болтянским, А. Терским, А. Довженко, А. Роомом и др.), так и антирелигиозниками-пропагандистами (М. Кефалой, А. Полтевским, Ф. Олещук, Ф. Путинцевым, Л. Сухаребским, Н. Шагуриным И. Элиашевичем), свидетельствуют о достаточно активном развитии визуально-антропологического знания на российской почве. Эти поиски, безусловно, происходили в контексте изучения западных аналогов антирелигиозного кино, но имели свою специфику, свою почву, связанную с самобытностью развития кинотворчества в Советской России.

Список литературы и источников:

Болтянский Г.М. Кинохроника и как ее снимать. – М.: Кинопечать, 1926. – 75 с.

Брик О.М. Фото и кино. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 103 с.

Головнёв И.А., Головнёва Е.В. Шаманизм в советском антирелигиозном кинематографе 1920–1930-х гг. (на примере фильма «Игденбу» Амо Бек-Назарова) // Этнография. – 2022. – № 3 /17. – С. 197–219.

Головнёва Е.В., Головнёв И.А. Антирелигиозный фильм Анатолия Терского «У сектантов» (1930) // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 147–156.

Довженко А. В ногу со временем // История отечественного кино. Хрестоматия / Рук. проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011. – С. 206–208.

Дунаевский Л. Антирелигиозные экспедиции НИО ЦС СВБ в 1931 г. // Антирелигиозник. – 1932. – №11–12. – С. 30–39.

Знаменский Ю. Надо создать «Киноатлас СССР» // Кино-фронт. – 1930. – № 9. – Март, 16. – С. 2.

Кефала М.Н. Как организовать антирелигиозный кино-вечер. – М.: Роскино, 1932. – 52 с.

Кино против религии // Кино. – 1928. – № 44. – С.3.

Маторин Н.М. Всероссийский музейный съезд и антирелигиозная работа // Антирелигиозник. – 1931. – № 2. – С. 62–64.

Маторин Н.М. Об изучении религиозных верований народов СССР // Антирелигиозник. – 1934. – № 5. – С. 28–33.

Петров-Бытов П. У нас нет советской кинематографии // Жизнь искусства. – 1929. – № 17. – С. 8.

Пиотровский А. Художественные течения в советском кино // История отечественного кино. Хрестоматия. / Рук. Проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011. – С. 178–189.

Полтевский А.Н. Антирелигиозная фильма: Справочно-метод. пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне. – М: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1930. – 32 с.

Путинцев Ф. Кулацкое светопредставление. (Случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света»). – М.: Акц. издат. о-во «Безбожник», 1930. – 82 с.

Разлогов К.Э. Мировое кино. История искусства экрана. – М.: Эксмо, 2011. – 688 с.

Роом А. За культурфильму реконструктивного периода. Делаем вызов научным работникам // Кино-фронт. – 1930. – № 5, Июнь. – С.2.

Совещание по вопросу о роли кино в антирелигиозной пропаганде // Антирелигиозник. – 1929. – №2. – С. 94–95.

Спутник безбожника по Ленинграду / Сост. И.Я. Элиашевич. – Л.: Прибой, 1930. – 69 с.

Степанов В. Кино и антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозник – 1928 – № 5 – С. 19–23.

Сухаребский Л. Кино на антирелигиозном фронте // Кино. – 1930. – № 52 /276. – С. 3.

Тан-Богораз В. Антирелигиозная выставка Академии Наук СССР // Антирелигиозник. – 1930. – №8-9. – С. 87–93.

Троцкий Л.Д. Водка, церковь и кинематограф // История отечественного кино. Хрестоматия. / Рук. проекта Л.М. Будяк. – М.: «Канон», 2011. – С. 100–103.

Шагурин Н.Я. Безбожное кино в деревне: Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. – М.: Теакинопечатъ, 1930. – 80 с.

Шахнович М.М. Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – Т. 37. – Вып. 4. – С. 706–717.